

УДК 903.25

Ю.С. Худяков^{1, 2}, К.Ш. Табалдиев³, А.Ю. Борисенко²¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия²Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, РоссияE-mail: khudjakov@mail.ru
aborisenko2@mail.ru³Кыргызско-Турецкий университет «Манас»
пр. Мира, 56, Бишкек, 720044, Кыргызстан
E-mail: tabaldievk@yahoo.com

ОРУЖИЕ, УКРАШЕНИЯ И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КОСТЮМА С ПАМЯТНИКА «КРАСНЫЙ СТРОИТЕЛЬ» В ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЕ КЫРГЫЗСТАНА*

В статье анализируются находки с разрушенного памятника «Красный строитель» на берегу р. Ала-Арча на северной окраине г. Бишкека в Чуйской долине Кыргызстана. В этой местности, где расположена одна из городских свалок, школьники случайно нашли несколько ценных артефактов, в т.ч. изделия из золота и серебра. В результате изучения находок удалось определить их функциональное назначение, время бытования и культурную принадлежность. Эти предметы входили в состав украшений и принадлежностей костюма представителей знати древних кочевых племен, носителей кенкольской культуры, населявших горы и долины Тянь-Шаня и Семиречья на территории современных Кыргызстана, Казахстана, Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, Алтайского края России в хунно-сяньбийскую эпоху.

Ключевые слова: золотые украшения, принадлежности костюма, древние кочевники, кенкольская культура, Тянь-Шань, Чуйская долина, Кыргызстан.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.1.061–072

Введение

Важной частью костюма представителей правящей элиты древних кочевых племен, носителей кенкольской культуры хунно-сяньбийского времени, были разнообразные украшения и принадлежности костюма, в т.ч. изготовленные из драгоценных металлов. Памятники этой культуры, относящиеся к первой половине I тыс. н.э., распространены на обширной территории Тянь-Шаня и Семиречья в пределах современных Кыргызстана, Казахстана и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая.

*Исследование проведено по проекту № 2718 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России.).

В разные годы в Кыргызстане были обнаружены кенкольские погребения в катакомбах под земляными курганными насыпями, датированные в пределах «гуннского времени» – первой половины I тыс. н.э. [История..., 1968, с. 79–88; История..., 1984, с. 165–171]. В составе сопроводительного инвентаря некоторых богатых захоронений имелись разнообразные железные и костяные детали предметов вооружения, золотые и серебряные украшения и принадлежности костюма, элементы конской сбруи, металлическая посуда. Отдельные подобные памятники были вскрыты случайно и первоначально определены как «клады». В дальнейшем их исследовали археологи и выяснили, что это захоронения. К числу таких памятников относится известный Шамшинский клад, представлявший собой богатое женское погребение, которое было обнаружено случайно и

разграблено колхозниками в ходе полевых работ в 1958 г. Это захоронение находилось в Шамшинском ущелье, расположенном к югу от г. Токмака в Чуйской долине Кыргызстана. Как позднее удалось установить археологам П.Н. Кожемяко и Д.Ф. Виннику, изучившим остатки разграбленного кургана, в могиле, которая ранее перекрывалась крупной курганной насыпью диаметром ок. 20 м, была погребена знатная женщина. Она была захоронена в дощатом гробу в катакомбе. В области черепа и грудной клетки погребенной находилась лицевая маска из листового золота, украшения головного убора, перстни, медальон, наконечники подвески, принадлежности пояса, кружка и детали конской сбруи из драгоценных металлов [Мокрынин, 1986, с. 73–75; Мокрынин, Плоских, 1992, с. 56–62; Kozomberdieva, Kozomberdiev, Kozemjako, 1998, S. 451–471]. Головной убор и украшения знатной женщины были реконструированы археологами [История..., 1968, с. 84–85; История..., 1984, с. 167–168, 170; Амброз, 1981, с. 21, рис. 10, 14–18]. Серебряные бляшки из шамшинской коллекции, украшенные зернью и вставками из красного стекла, оформлены в полихромном стиле [Мокрынин, Плоских, 1992, с. 58].

В 1968 г. на могильнике Джалпак-Дюбе на Алайском высокогорном плато в Кыргызстане археологом А.К. Абетековым был раскопан кенотаф. В могильной яме оказалась деревянная чурка, на одном конце которой находилась маска из золотой фольги с отверстиями для глаз, ноздрей и рта. В могиле найдены медальон и серьга со вставками из граната, пряжки со вставками, обрамленными зернью, перстень, круглые и квадратные нашивные бляшки, подвеска и цепочка из золота и стеклянная, богато украшенная чаша [Абетеков, 1982; Памятники..., 1983, с. 14, 41–42; Мокрынин, Плоских, 1992, с. 60–61].

В соседних с Кыргызстаном районах Казахстана и Синьцзяна известно несколько интересных коллекций золотых украшений в полихромном стиле со случайно обнаруженных археологических памятников. В 1938 г. А.Н. Бернштам нашел спиралевидные золотые серьги в курганах на Берккаринском могильнике у оз. Бийли-Куль (Джамбульская обл. Казахстана). Эти находки отнесены к I–II вв. н.э. [Бернштам, 1951, с. 226]. В 1939 г. в ущелье Каргалы неподалеку от г. Алма-Аты были найдены золотая диадема с изображениями реальных и фантастических диких копытных и хищных животных, бляшки с изображением горных козлов и круглые бляшки [Акишев, 1983, с. 158–172]. А.Н. Бернштам определил диадему как принадлежность костюма шаманки, датировал I–III вв. н.э. и отнес к культуре усуней [1940]. К.А. Акишев отметил аналогии изображениям горных козлов на золотых бляшках в культуре саков и датировал находки II–I вв. до н.э. [1983, с. 29].

В 1988 г. в ауле Жалаулы в Алма-Атинской обл. был обнаружен клад, включавший пектораль, принадлежности пояса, пластины с изображениями животных и другие предметы из золота. Этот клад был отдан известному казахскому археологу Б.Н. Нурмуханбетову, который передал его в Центральный государственный музей Казахстана. Разломанная на две части золотая пектораль в виде «сплошной полулунницы» украшена напаянными фигурами архаров, бляхи и наконечники наборного пояса – изображениями тех же животных [Мокрынин, Плоских, 1992, с. 88–90].

В конце 1990-х гг. на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая китайские археологи продолжили исследование кургана в местности Боме, на границе с Казахстаном в северных предгорьях Тянь-Шаня. Среди находок – лицевая маска, украшенная рубиновыми вставками, перстень с кабошоном из рубина, украшенный зернью, трехлепестковые подвески; золотые и серебряные сосуды; фрагмент обкладки ножен с рубиновыми вставками, железные трехлопастные наконечники стрел, фрагмент кольчатого доспеха, обрывки шелковой материи и кожаной обуви. Памятник отнесен к IV–V вв. н.э. [The ancient culture..., 2008, p. 258–261; Алкин, 2000, с. 16–17].

За пределами ареала памятников кенкольской культуры в Центрально-Азиатском историко-культурном регионе аналоги украшений, выполненных в полихромном стиле, встречаются в степных и лесостепных районах Казахстана и Западной Сибири. Отдельные подобные изделия найдены в степном и Горном Алтае, Монголии. В 1928 г. в Северном Казахстане в 6 верстах к северу от современного г. Щучинска, в окрестностях оз. Борового, в сосновом бору во время каменоломных работ было случайно обнаружено древнее погребение с предметами, выполненными в полихромном стиле. Остатки сильно разрушенного скелета находились в могиле, засыпанной щебнем и перекрытой массивными каменными плитами в три слоя. В заполнении ямы найден бронзовый котел. В погребении обнаружены железный кинжал или наконечник копья, наконечники стрел, удила, золотые и серебряные пластинки с инкрустацией и зернью, бронзовые пряжки, серьги, бусы. Коллекция находок была изучена и опубликована А.Н. Бернштамом, датировавшим ее IV–V вв. н.э. Он отметил сходство украшений со вставками из цветного стекла из этого погребения и Кенкольского могильника, который определил как памятник гуннов, проникших на территорию Средней Азии и воспринявших «новый стиль» у кушан-юэчжей [Бернштам, 1951, с. 224–225; Акишев, 1983, с. 30, 188–201]. Кинжал и ножны из погребального комплекса у оз. Борового были реконструированы И.П. Засецкой, датировавшей его V – первой половиной VI в. н.э. [1995, с. 97–104, рис. 3, 2].

В 1959 г. рабочие кирпичного завода случайно обнаружили в карьере на берегу р. Чарыш, в окрестностях с. Тугозвонова Алтайского края погребение воина эпохи Великого переселения народов. Исследовавший памятник А.П. Уманский установил, что человек был захоронен в грунтовой могиле в вытянутом положении, головой на востоко-юго-восток. Согласно заключению антропологов, это был высокий мужчина богатырского телосложения, с кольцевой деформацией черепа. В погребении найдены железный палаш с богато украшенной рукоятью, кинжал с обоймами, оба в ножнах, нож, костяные накладки лука, железные и костяные наконечники стрел; золотая гривна с зооморфными окончаниями, поясные и обувные пряжки, бляхи, перстень, зооморфное окончание серебряной гривны. Многие предметы украшены вставками из цветных камней и зернью [Уманский, 1978, с. 131–156].

В 1977 г. монгольский археолог Д. Цэвээндорж в процессе раскопок нарушенного грабителями хуннского захоронения на памятнике Тэбш-уул в центральной части Монголии обнаружил «золотое украшение в виде тонкой пластины, на одной стороне которой сделаны пять гнезд», окаймленные зернью. В этой могиле также найдены подвеска из лазурита и пронизь, фрагменты костяных накладок лука и обломки железных предметов [Цэвээндорж, 1985, с. 62, рис. 10, 5].

В ходе раскопок Тютринского могильника саргатской культуры в Тюменской обл. в 1981 и 1982 гг. А.В. Матвеевым и Н.П. Матвеевой были обнаружены золотые украшения, в т.ч. серьги и бляшки [1987, с. 192–196]. В 1986 г. В.И. Матющенко раскопал богатое воинское захоронение этой культуры на памятнике Сидоровка в Омском Прииртышье. В составе сопроводительного инвентаря были керамическая и металлическая посуда, доспех из железных пластин, железный палаш, кинжал в ножнах, топор, копье, железные наконечники стрел, костяные накладки лука, серебряные фалары с изображением грифонов, пряжки, нашивки, золотые застёжки, поясные пластины с изображениями животных и вставками из цветных камней, гривна и другие предметы [Матющенко, Татаурова, 1997, с. 12–13].

В 1989 г. на многослойном памятнике Сопка-2 в Барабе В.И. Молодин исследовал уникальное для этого района Западной Сибири захоронение воина с конем, череп которого был перевернут, а часть позвонков и ребер сдвинута в кучу. Под черепом находились костяные псалии и застёжка. Взрослый мужчина был захоронен в вытянутом положении на спине, головой на северо-северо-восток. Рядом с ним находился железный палаш. От ножен сохранился длинный серебряный наконечник и фрагменты деревянной обкладки, окрашенной в красный цвет. В области

рукояти лежали нефритовая скоба для портупейного ремня и навершие в виде хрустального граненого диска со сферическим набалдашником, украшенное перегородчатой эмалью и зернью. По мнению В.И. Молодина, к навершию должны относиться нефритовый диск и длинный бронзовый гвоздь. В погребении также найдены серебряная пряжка и два наконечника ремня, железный однолезвийный нож, рамка от железной пряжки, костяная застёжка и лошадиная бабка. Захороненный в этой могиле воин был центрально-азиатским монголоидом [Молодин, Чикишева, 1990, с. 162–167].

В 2009 г. на памятнике Аржан-Бугузун на Юго-Восточном Алтае были раскопаны четыре пологие округлые каменные насыпи на прямоугольной площадке, окаймленной валом и рвом. Под ними не оказалось ям и погребений. В одном кургане в зольном пятне были найдены бронзовые бляшки, украшенные зернью и вставками из полудрагоценных камней, и одна золотая бляшка со вставкой из граната [Кубарев Г.В., Слюсаренко, Кубарев В.Д., 2009; Кубарев, 2010].

Судя по территории распространения памятников, на которых встречались изделия из благородных металлов, украшенные зернью и вставками из цветных камней и стекла, подобные украшения были в употреблении у многих кочевых племен Степного пояса Евразии. В настоящее время эта территория может быть расширена и должна включать ареалы разных кочевнических культур конца I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. в пределах Центрально-Азиатского историко-культурного региона.

Описание и анализ находок

В 1985 г. на прибрежной террасе левого берега р. Ала-Арча, на северо-восточной окраине г. Бишкека, на площади, превращенной в городскую свалку, школьники нашли несколько костяных и железных предметов вооружения, бронзовых, золотых и серебряных изделий. Находки были переданы в Киргизский государственный исторический музей, а местонахождение обследовали археологи Б.В. Помаскин, Л.Г. Ставская и Л.М. Ведутова. В специальной и научно-популярной литературе, изданной в Кыргызстане, этот памятник обозначен как курган «Красный строитель» [Алымова, Притеева, Шаршеналиева, 2008, с. 46]. В ходе обследования местонахождения удалось выяснить, что на небольшом останце, образовавшемся в результате выборки экскаватором грунта с южной стороны естественного глиняного холма, на глубине ок. 3 м от поверхности находились остатки древнего захоронения. Судя по собранным археологами сведениям об этой интересной наход-

ке, школьниками был обнаружен скелет взрослого человека, лежавший на дне могилы или катакомбы черепом на север. В нарушенном строительными работами погребении собрана значительная коллекция предметов сопроводительного инвентаря, в т.ч. изделия из драгоценных металлов. В числе железных предметов трехлопастные наконечники стрел, фрагменты кинжала с кольцевым навершием, обломок клинка однолезвийного палаша, миниатюрные ножи, панцирная пластина, застежка от одежды, округлое пластинчатое навершие в виде шляпки гвоздя и скобы, которыми скреплялось деревянное гробовище. Среди находок был небольшой кувшинообразный бронзовый сосуд с яйцевидным туловом, низкой горловиной и широким раструбом отогнутого наружу венчика. На поверхности тулова выявлены следы ремонта [Мокрынин, Плоских, 1992, с. 49–51].

Некоторые предметы, хранящиеся в фондах Государственного исторического музея Кыргызстана,

были изучены одним из авторов настоящей статьи при содействии музейных работников. Среди этих находок имеется представительная коллекция предметов вооружения. К оружию дистанционного боя относятся две костяные концевые накладки лука. Они сохранились не полностью: одна на 5,5 см в длину, другая на 10,5 см. У обеих слегка закругленные верхние концы и арочные вырезы для крепления петли тетивы. Накладки плавно сужаются к нижнему концу. Ширина в верхней части 2,2 см (рис. 1, 1, 2). Примечательно, что не только внутренняя, но и внешняя сторона накладок покрыта косыми резными линиями. Они наносились для более прочного приклеивания к деревянной основе киби́ти лука. Нарезка на внешней поверхности накладок может свидетельствовать о том, что они обклеивались каким-то покрытием сверху. Ранее такая особенность оформления концевых накладок на луках кенкольской культуры не прослеживалась [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 78].

В коллекции более 10 железных наконечников стрел. Все черешковые. Большая часть наконечников трехлопастные с остроугольным острием. По форме пера среди них выделяется несколько типов. К первому можно отнести наконечники с удлинненно-шестиугольным пером и покатыми плечиками (рис. 1, 3–6, 20) – 5 экз. Длина пера у них 4,5 см, ширина – 2, длина черешка 3,5 см. Второй тип – наконечники с удлинненно-ромбическим пером и пологими плечиками (рис. 1, 10–12) – 3 экз. Длина пера 5 см, ширина – 2,5, длина черешка 2 см. К третьему типу можно отнести наконечник с выделенной боевой головкой и короткой шейкой (рис. 1, 8). Длина пера 4 см, ширина – 1,2, длина черешка 1 см. Среди трехлопастных наконечников немало сильно коррозированных и поврежденных, форму которых в отдельных случаях определить невозможно (рис. 1, 14). В коллекции также имеются два бронебойных наконечника с округлым в сечении пером и остроугольным острием. По форме пера они относятся к разным типам. Один имеет выделенную боевую головку, покатые плечики и короткую шейку с упором (рис. 1, 13). Длина пера 2,8 см, ширина – 1,2, длина черешка 2,5 см. У другого удлинненно-ромбическое перо длиной 2,2 см, шириной 1,2 см, черешок обломан (рис. 1, 15). Спектр типологического разнообразия трехлопастных наконечников в рассматриваемой коллекции находит аналогии прежде всего в ранее изученных кенкольских материалах, где широко представлены удлинненно-ромбические формы и встречаются экземпляры с выделенной боевой головкой [Там же, с. 81]. В то же время в коллекции достаточно много удлинненно-шестиугольных наконечников, которые в других комплексах кенкольской культуры не отмечены. Отличаются своеобразием и бронебойные наконечники, также не зафиксированные на других памятниках этой культуры [Там же, с. 81–87].

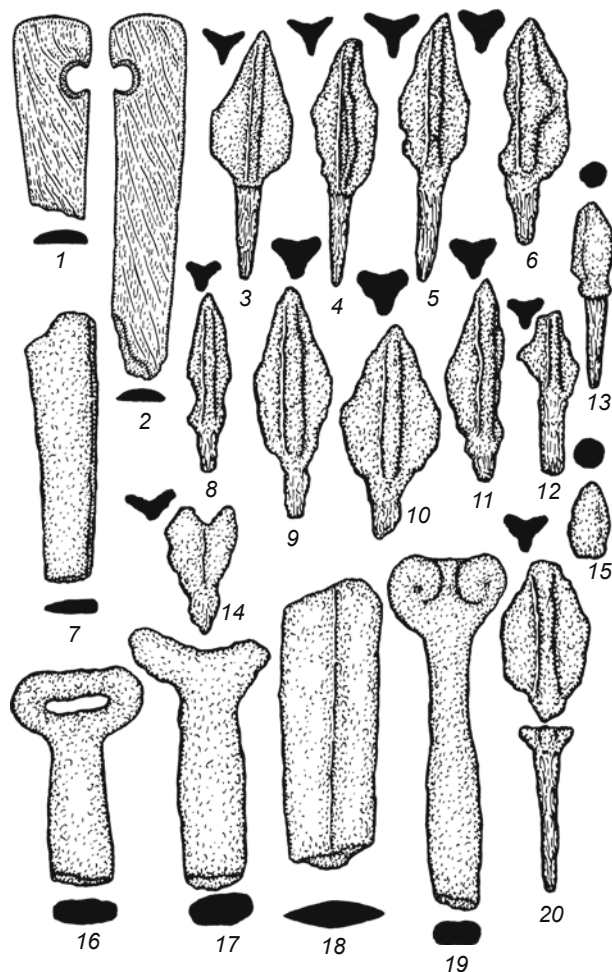

Рис. 1. Предметы вооружения.

1, 2 – костяные концевые накладки лука; 3–6, 8–12, 14, 20 – железные трехлопастные наконечники стрел; 7 – железный нож; 13, 15 – железные округлые наконечники стрел; 16, 19 – рукояти клинкового оружия; 17 – рукоять меча; 18 – обломок клинка меча.

В составе железных предметов из кургана «Красный строитель» имеется обломок колчанного крюка с поперечной перекладиной на его нижнем конце (рис. 2, 11). Длина сохранившейся части 2,5 см, ширина перекладины 2,4 см. Подобные колчаные крюки не были выявлены в составе кенкольского воинского снаряжения. Однако они встречаются в материалах культур хунно-сяньбийской эпохи в Саяно-Алтае: кокзельской в Туве и кок-пашской на Восточном Алтае [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 10, 27, 32; 12, 6; 15, 16; 16, 41]. Отдельные подобные находки известны в древнетюркских погребальных комплексах на территории Тувы [Грач, 1966, рис. 30, 1].

Длинноклинковое оружие в коллекции из кургана «Красный строитель» представлено фрагментом клинка двулезвийного меча (см. рис. 1, 18). Он имеет уплощенно-ромбическое сечение. Длина фрагмента 8,3 см, ширина 2,8 см. В коллекции имеются три железные рукояти от клинкового оружия. У одной из них частично сохранилось дуговидное навершие (см. рис. 1, 17). Длина сохранившейся части рукояти 7,2 см, ширина 2 см. Вероятно, именно эта рукоять могла принадлежать мечу, представленному обломком. Вторая рукоять снабжена кольцевым навершием овальной формы. Она сохранилась на 6 см в длину, ее ширина 1,9 см (см. рис. 1, 16). Эта рукоять могла быть частью палаша с однолезвийным клинком, упомянутого в описании находок из кургана «Красный строитель», но отсутствующего в коллекции [Мокрынин, Плоских, 1992, с. 49–51]. Третья рукоять снабжена навершием со спирально загнутыми навстречу друг другу концами. Она подпрямоугольная в сечении, зауженная под навершием и несколько расширенная при подходе к клинку. Длина сохранившейся части 10 см, ширина – 1,5 см (см. рис. 1, 19). Эта рукоять могла принадлежать кинжалу. В коллекции имеется фрагмент ножа с однолезвийным клинком, острие и черен рукояти обломаны. Длина сохранившейся части 7,5 см, ширина клинка 2 см (см. рис. 1, 7). В описании предметов вооружения из кургана «Красный строитель» упомянуты кинжал и нож [Там же]. Среди клинкового оружия воинов кенкольской культуры представлены двулезвийные мечи с уплощенно-ромбическим в сечении клинком, однолезвийные палаши и кинжалы [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 88–91]. В перечне находок из рассматриваемого комплекса значатся железные панцирные пластины, которых в изученной коллекции не оказалось [Мокрынин, Плоских, 1992, с. 49–51].

Из походной утвари, обнаруженной в кургана «Красный строитель», самостоятельный интерес представляет бронзовый кувшин. Он склепан из металлического листа (на одной стороне сохранился вертикальный шов), дно в виде округлой пластины прикреплено крупными бронзовыми заклепками.

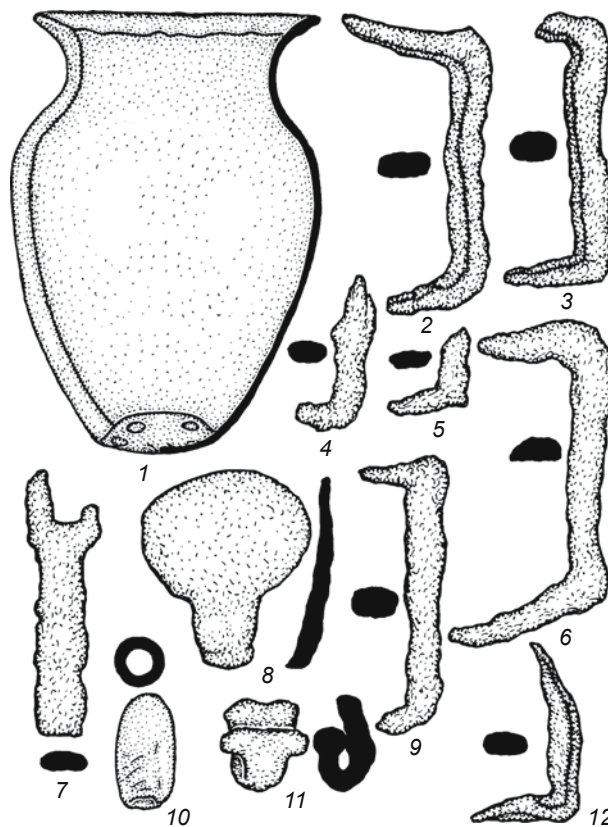

Рис. 2. Бронзовые (1, 10) и железные (2–9, 13) предметы. 1 – кувшин; 2–6, 9, 12 – скобы гробовища; 7, 8 – пластины; 10 – набалдашник; 11 – колчаный крюк.

Тулово профилированное, с зауженной горловиной и отогнутым венчиком. Часть венчика повреждена (см. рис. 2, 1). Среди других бытовых предметов отметим овальную в сечении железную пластину с раздвоенным концом, которая могла быть вилкой (см. рис. 2, 7). Еще один железный предмет представляет собой диск с боковым ответвлением (см. рис. 2, 8). В качестве чего он мог служить, сказать трудно. Также не ясно назначение бронзового полого предмета овальной формы с отверстием с одной стороны (см. рис. 2, 10). Возможно, он являлся набалдашником деревянной рукоятки.

В изучаемом кургане найдено несколько скоб, которыми скреплялись между собой деревянные доски гробовища. Они изготовлены из железных стержней с перпендикулярно загнутыми концами. Длина полностью сохранившихся скоб до 8 см, загнутых концов – от 3,5 до 5,0 см (см. рис. 2, 2–6, 9, 12).

Особый интерес представляют ювелирные украшения. Среди них имеется нашивная золотая пластина в виде горизонтально расположенного полумесяца с нешироким трапецевидным выступом в нижней части (рис. 3). Размеры изделия 6,5 × 6,0 см. Его поверхность украшена низким барельефным орнаментом в виде ромбического сетчатого узора. По краю

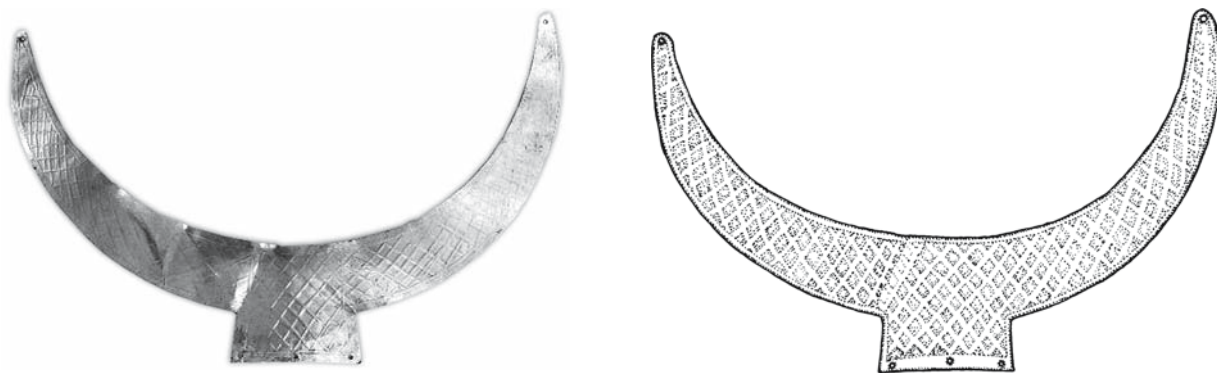

Рис. 3. Нашивная нагрудная золотая пластина с тисненым орнаментом и ее прорисовка.

пластины идет узкая полоска, лишенная орнамента. Она несколько шире вдоль основания трапециевидного выступа [Алымова, Притеева, Шаршеналиева, 2008, с. 48]. На обоих концах полулунной пластины имеется по одному небольшому округлому отверстию для прикрепления к какой-то, вероятно, органической основе, например к матерчатой одежде на груди у человека. Три отверстия вдоль нижнего края выступа могли служить для подвешивания каких-либо украшений. В научно-популярных изданиях эта пластина названа «гривной», «пекторалью», «нагрудным украшением» [Мокрынин, Плоских, 1992, с. 51; Алымова, Притеева, Шаршеналиева, 2008, с. 48]. Последнее определение представляется наиболее точным, соответствующим назначению предмета.

Бронзовые пластинчатые гривны, одна из которых с загнутыми в виде колец концами и прямоугольным выступом в нижней части, были обнаружены в области шеи в трех мужских и одном женском погребениях на могильнике верхнеобской культуры Ближние Елбаны XII в Верхнем Приобье [Грязнов, 1956, с. 119, 122]. На других памятниках этой культуры найдены бронзовая гривна в виде несомкнутой полуовальной пластины без отверстий для крепления и обломки железной, овальной в сечении [Троицкая, Новиков, 1998, с. 30, рис. 15, 1, 2]. «Нагрудное украшение из толстой бронзовой проволоки с надетой на нее реповидной бусиной и загнутыми в петлю окончаниями» известно в материалах раскопок могильника Айрыдаш I в Горном Алтае [Суразаков, 1986, с. 203]. Бронзовая гривна с бусиной и отверстиями на концах, в которых сохранились обрывки ремешка, найдена в погребении в колоде на могильнике Курайка III–V вв. на Юго-Восточном Алтае [Соенов, Эбель, 1998, с. 115, 135, рис. 9; 10, 3]. Бронзовая и золотая витые гривны с подвесками и бляхой происходят из захоронений Кок-Паша на Восточном Алтае [Елин, Васютин, 1984, рис. 1; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 28, 177–178]. Проволочная гривна с загнутыми в одну сторону концами была обнаружена в кургане с «усами» на мо-

гильнике Зевакино IV–V вв. в Восточном Казахстане [Арсланова, 1975, табл. I, 12; 2013, с. 248, табл. I, 12]. Аналогии подобным гривнам прослежены в материалах памятников Горного Алтая и Восточной Европы [Соенов, 1997; Засецкая, 1994, с. 76, 77, табл. 10, 1; 15, 9; 20, 3; 42, 5; 43, 1].

Ближние по форме нашивные пластины, в т.ч. одна золотая, были обнаружены в ходе раскопок памятников бурхотуйской культуры Соцал, Токчин, Улан-Сар и Хорбой в Восточном Забайкалье. На этих памятниках выделены погребения ононского типа, часть которых относится к первой половине и середине I тыс. н.э. [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, с. 96–97, 108–109, табл. XXX, 1–5]. Исследователи отметили, что подобные пластины найдены в немногих погребениях взрослых мужчин и отдельных детских захоронениях. Они считают эти предметы символами власти или знатности [Там же, с. 45].

В числе находок из кургана «Красный строитель» имеются три нашивные прямоугольные золотые бляшки (рис. 4, 4–6). Все одинаковые. Украшены невысокой барельефной рамкой, повторяющей контур бляшки. В центральной части имеется небольшое округлое отверстие, по два еще меньших расположено по краям каждой из сторон [Мокрынин, Плоских, 1992, с. 51; Алымова, Притеева, Шаршеналиева, 2008, с. 49].

В коллекции есть полый золотой шарик, склепанный из двух половинок (рис. 4, 2). Верхняя часть несколько шире нижней и перекрывает ее, образуя в месте соединения невысокий бортик. В центре верхней части к поверхности шарика прикреплена петелька для подвешивания [Там же].

В набор украшений входят два одинаковых золотых браслета (рис. 4, 1, 3). Они представляют собой узкие, согнутые в несомкнутое кольцо пластины, украшенные с внешней стороны продольными бороздами [Там же]. Очень отдаленным по времени аналогом может быть несомкнутый пластинчатый серебряный браслет с четырьмя горизонтальными ба-

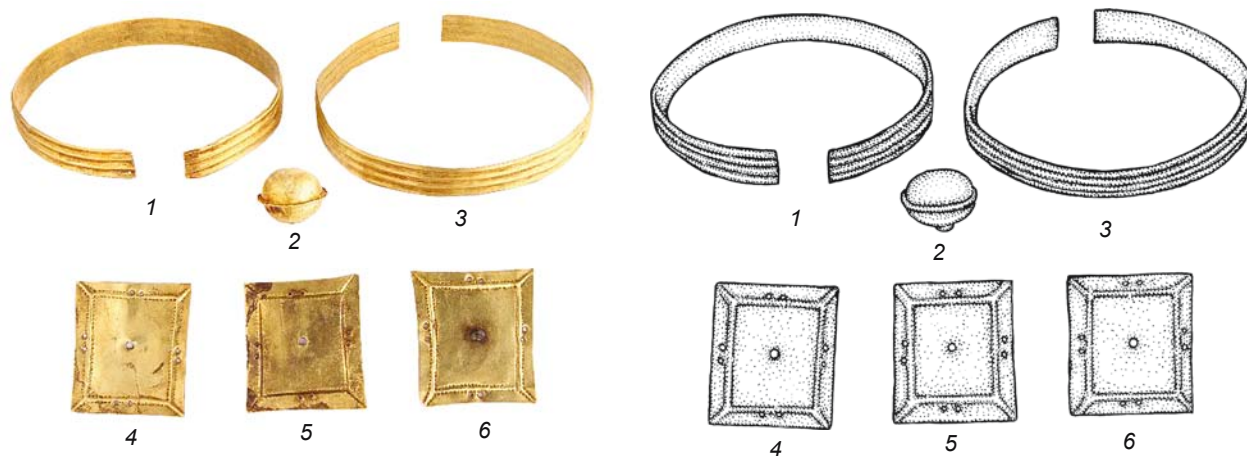

Рис. 4. Золотые браслеты (1, 3), бубенец (2), нашивные бляшки (4–6) и их прорисовки.

рельефными валиками и фигурой в виде косо-го креста в средней части, обнаруженный на городище Отгар эпохи развитого Средневековья [Katalog..., 2013, S. 1071].

Среди находок из рассматриваемого кургана выделяется золотая цилиндрическая трубка высотой 5,5 см, имеющая в нижней части четыре отогнутые лопасти с округлыми отверстиями для крепления к органической основе и увенчанная семью плавно изогнутыми в стороны и вверх полосами, разделенными на два конца, каждый из которых загнут в кольцо (рис. 5). Исследователи определили этот предмет как навершие головного убора, представляющее собой стилизованное изображение древа жизни [Мокрынин, Плоских, 1992, с. 51; Алымова, Притеева, Шаршеналиева, 2008, с. 47].

Помимо золотых изделий, в числе находок имеется серебряная ажурная пластина размером 7,5 × 10,0 см (рис. 6). Она включает ком-

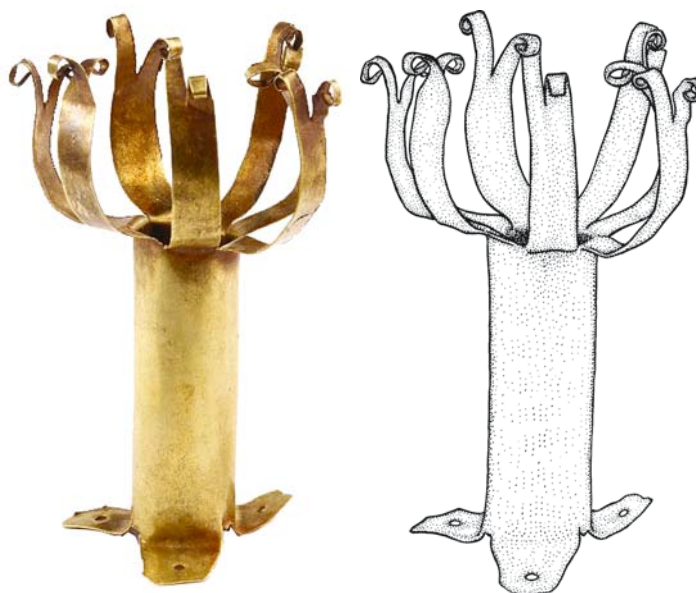

Рис. 5. Золотое навершие головного убора.

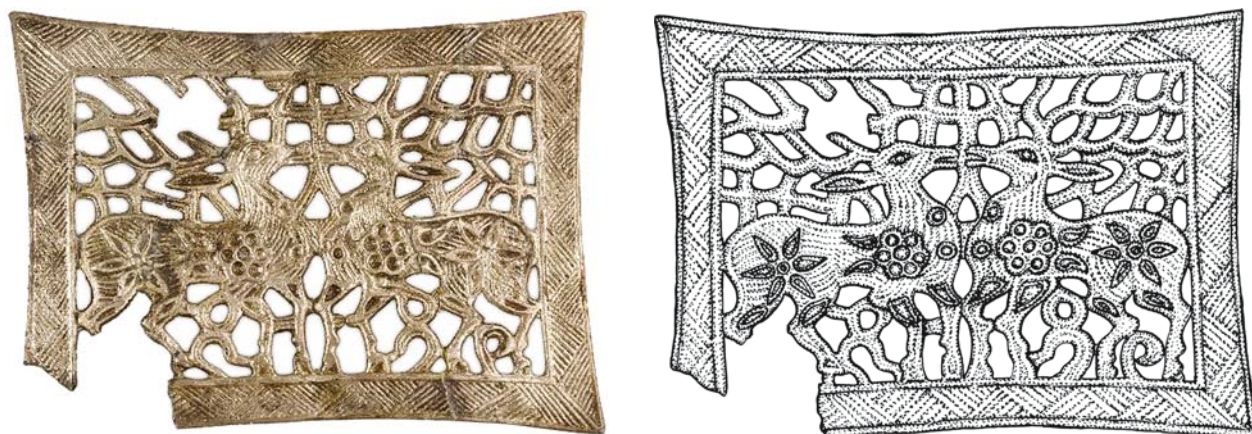

Рис. 6. Серебряная поясная пластина с изображением оленей.

позицию из двух противостоящих друг другу стилизованных профильных изображений благородных оленей с ветвистыми рогами. Фигуры декорированы розетками. Композиция окаймлена полосой, орнаментированной разнонаправленными косыми линиями, образующими треугольники [Мокрынин, Плоских, 1992, с. 51; Алымова, Притеева, Шаршеналиева, 2008, с. 46]. Вероятно, эта пластина является принадлежностью воинского наборного пояса. Близкие по форме бронзовые поясные пластины с противостоящими или ориентированными в противоположные стороны фигурами диких копытных животных известны в числе «ордосских бронз», часть которых относится к хуннскому и сяньбийскому времени: в материалах хуннской культуры в Забайкалье и Монголии, тесинского этапа тагарской в Минусинской котловине, комплексах культуры сяньби в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии [Дэвлет, 1980, с. 10–11, рис. 1, 2; табл. 1, 1; 3, 5, 6; 4, 7–10; 5, 11, 12; 6, 13–15, 19; 7, 20, 21, 23; Кан Ин Ук, Богданов, Леонтьев, 1999, с. 159–160, рис. 1; 2, 2, 8; Худяков, Алкин, Юй Су-Хуа, 1999, с. 165, рис. 1; Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар, 2011, тал. 376, 377, 380, 386, 388, 402]. Некоторое сходство изображений оленей на поясной пластине из кургана «Красный строитель», по стилю оформления, прослеживается с профильной фигурой марала на известной каргалинской диадеме [Акишев, 1983, с. 159]. Это может свидетельствовать о переработке данного центрально-азиатского по происхождению сюжета в местной сакской культурной среде.

Установление хронологии и культурной принадлежности комплекса из кургана «Красный строитель» представляет определенные сложности, поскольку не все предметы были собраны и оказались доступны для изучения. Исследовав остатки захоронения, В.П. Мокрынин и В.М. Плоских высказали предположение, что это погребение в катакомбе или подбое [Мокрынин, Плоских, 1992, с. 50]. Подобная конструкция могильной ямы и наличие в числе находок костяных накладок лука, железных трехлопастных наконечников стрел, рукоятей с кольцевыми навершиями и обломка клинка меча дают основания отнести курган к кенкольской культуре хунно-сяньбийского времени, существовавшей в пределах первой половины I тыс. н.э. [История..., 1968, с. 79; История..., 1984, с. 165].

Вещевой комплекс из рассматриваемого разрушенного захоронения включает лук и колчан со стрелами, меч, кинжал и другое оружие, металлическую бляху пояса, нагрудную нашивную пластину и парадное навершие в виде древа жизни, что указывает на высокий статус погребенного, вероятно, знатного мужчины, вождя или военачальника высокого ранга, возможно, предводителя отдельного кочевого объединения. Сложнее судить о принадлежности прямо-

угольных золотых бляшек, которые могли быть нашиты на пояс. Золотые несомкнутые браслеты, носившиеся на запястьях обеих рук у кочевых народов, обычно ассоциируются с аксессуарами женского костюма. Однако, судя по описанию захоронения, в могиле на месте разрушенного кургана находился один скелет взрослого человека. Вероятнее всего, в этом кургане был погребен знатный предводитель или военачальник одного из кенкольских кочевых племен, населявших Чуйскую долину в хунно-сяньбийскую эпоху. Присутствие в составе поясного набора бляхи со стилизованными изображениями оленей, выполненной в зверином стиле, и нагрудной пластины («гривны») может указывать на политические и культурные контакты родоплеменной знати кенкольских племен с правящей элитой среднеазиатских саков и центрально-азиатских хуннов и сяньби. О наличии таких контактов между населением Средней Азии и хуннами в период возвышения державы последних свидетельствуют предметы торевтики греко-бактрийского производства в курганах хуннской знати в Ноин-Уле (Монголия) [Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, 2011, с. 110–117].

В составе золотых и серебряных украшений, обнаруженных в кургане «Красный строитель», отсутствуют изделия, выполненные в полихромном стиле, украшенные зернью и вставками из драгоценных и поделочных камней, цветного стекла. Это несколько необычно, т.к. данный стиль был наиболее характерным для оформления украшений, костюма, конской сбруи и парадного оружия у номадов, населявших евразийские степи от Алтая и Тянь-Шаня до Центральной Европы. Разнообразные подобные изделия имели широкое распространение у многих европейских и азиатских кочевых и оседлых племен и народов эпохи Великого переселения народов в середине I тыс. н.э. [Засецкая, 1978, с. 53–68; 1979, с. 5–14; Амброз, 1981]. Из археологов Кыргызстана по проблеме происхождения полихромного стиля у номадов гуннского времени наиболее определенно высказался В.П. Мокрынин. Он полагал, что истоки этого стиля в кенкольской культуре восходят к декоративно-прикладному искусству среднеазиатских саков. На территории Кыргызстана «полихромный стиль появился в позднесакское время» [Мокрынин, 1986, с. 76–79]. Отсутствие таких изделий в составе сопроводительного инвентаря на памятнике «Красный строитель» может свидетельствовать о том, что набор украшений в нем сохранился не полностью.

Обсуждение результатов

Памятники древних кочевников хунно-сяньбийского времени на территории Тянь-Шаня и Семиречья

начали изучаться в конце XIX в. Первые научные исследования курганов кенкольского типа провел финский археолог Г. Гейкель в 1898 г. в Таласской долине Кыргызстана [Heikel, 1918]. В ходе раскопок были обнаружены отдельные изделия, оформленные в полихромном стиле. По мнению М.В. Воеводского и М.В. Грязнова, изучавших подбойные памятники Семиречья в последующие годы, эти погребальные комплексы принадлежали усуням [1938, с. 174–178]. После проведения раскопок на могильнике Кенкол в конце 1930-х гг. А.Н. Бернштам отнес памятник к культуре среднеазиатских гуннов [1997, с. 41]. По его мнению, «господство гуннов на Тянь-Шане» продолжалось два века, с 50-х гг. до н.э. до 130 г. н.э. [Бернштам, 1998, с. 390]. Распространение среди «гуннского» кочевого населения Средней Азии полихромного стиля с использованием для вставок цветного стекла А.Н. Бернштам объяснил влиянием среднеазиатских юэчжей, которые умели качественно изготавливать такое стекло [1951, с. 228]. В 1950-х гг. С.С. Сорокин, в отличие от своего предшественника, отнес катакомбные и подбойные памятники к культуре местного кочевого населения Средней Азии [1956, с. 3–14]. Изучение могильника Кенкол было продолжено И.К. Кожомбердиевым. Он пришел к выводу, что по обряду погребения и предметному комплексу этот могильник имеет сходство с такими памятниками Средней Азии, как Куанчи и Вереvская, которые связаны с культурой сарматов, в то время как «физический тип погребенных Кенкола свидетельствует о связях с Востоком» [Кожомбердиев, 1960, с. 75]. Ю.А. Заднепровский выделил среди подбойных и катакомбных захоронений четыре территориальные группы. Он выразил согласие с мнением М.Г. Левиной и Б.А. Литвинского, которые относили кенкольские памятники к куанчинской культуре Среднеазиатского междуречья [Заднепровский, 1975, с. 162]. В дальнейшем в результате своих изысканий Ю.А. Заднепровский пришел к заключению, что носители кенкольских традиций принадлежали к кочевым племенам Средней Азии или смешанному кангюйско-хуннскому населению. Им же высказывались предположения о принадлежности среднеазиатских подбойных и катакомбных захоронений кангюйцам, либо усуням, либо юэчжам [Заднепровский, 1992, с. 107; 1996, с. 158–159]. Эта гипотеза была поддержана антропологом С.С. Тур, которая отметила, что, судя по краниологическим данным, носители кенкольской культуры мигрировали на территорию Тянь-Шаня и Семиречья из центральных районов Средней Азии [1996, с. 20]. Н.Г. Горбуновой подчеркнуто сходство среднеазиатских подбойных и катакомбных захоронений с памятниками разных вариантов культуры сарматов [1991, с. 28]. В отличие от других исследователей,

А.К. Амброз многие археологические объекты с изделиями, выполненными в полихромном стиле, датировал V – первой половиной VIII в. и относил к культуре тюрков периода Первого Тюркского каганата [1981, с. 21–22]. Однако, если принять его точку зрения, памятники древних тюрков на разных этапах должны радикально отличаться друг от друга.

В составе предметного комплекса кенкольской культуры хунно-сяньбийского времени наряду с характерными видами оружия и воинского снаряжения широко представлены золотые и серебряные украшения, в т.ч. изделия, выполненные в полихромном стиле, которые, по мнению исследователей, были типичны для культур готов, европейских гуннов и сарматских номадов. Они имели очень широкое распространение в западной части Степного пояса Евразии вплоть до Центральной и Западной Европы [Засецкая, 1979, с. 14; 1999, с. 163, 165]. В Центрально-Азиатском историко-культурном регионе и южных районах Сибири подобные изделия широко представлены в кенкольской культуре, в ареал которой входит и Чуйская долина. Особенности погребального обряда

Рис. 7. Реконструкция костюма кенкольского вождя или военачальника.

и предметного комплекса в кургане «Красный строитель» позволяют отнести памятник к этой культуре древнего кочевого населения Средней Азии.

Заключение

Находки из кургана «Красный строитель» дают возможность существенным образом расширить представления о комплексе престижных предметов военно-дружинной субкультуры, характерных для правящей элиты кочевого населения Тянь-Шаня и Семиречья в период бытования кенкольской культуры хунно-сяньбийского времени. Несмотря на то что на площади данного памятника были обнаружены далеко не все предметы, входившие в состав вооружения и воинского убранства погребенного, имеющиеся находки позволяют реконструировать набор оружия и украшений парадного костюма. Очевидно, что захороненный в кургане вождь или военачальник носил головной убор с навершием в виде невысокой цилиндрической золотой трубки с раструбом из семи пластин, раздвоенные концы которых загнуты в кольцо. Возможно, в эту трубку пропускалась заплетенная коса или пучок волос. На груди у вождя или военачальника была золотая гривна, прикрепленная к одежде через отверстия на концах. Не исключено, что она прикреплялась к концам ремешка. Эта гривна в виде лежащего полумесяца с трапециевидным выступом и тремя округлыми отверстиями в нижней части орнаментирована тиснением. Верхняя одежда вождя или военачальника была подпоясана наборным поясом. В состав поясного набора входили серебряные пластина и пряжка с изображениями оленей, золотые нашивные бляхи. Сложнее судить о принадлежности золотого бубенца. Вероятно, такие бубенцы могли подвешиваться к выступу гривны либо к нашивным бляхам пояса. Воин или военачальник носил орнаментированные несомкнутые золотые браслеты. Судя по составу оружия, к поясу подвешивались меч и нож в ножнах, саадок с луком и стрелами (рис. 7). Присутствие в изученном наборе большого количества значимых золотых украшений свидетельствует о высоком социальном статусе мужчины, погребенного в кургане «Красный строитель».

Список литературы

- Абетеков А.К.** Античная чаша из Алая // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. – Фрунзе: Илим, 1982. – С. 33–36.
- Акишев К.А.** Древнее золото Казахстана. – Алма-Ата: Онер, 1983. – 264 с.
- Алкин С.В.** К вопросу о выделении древностей гунно-сарматского времени в Северном Приитынии (Восточный Туркестан) // Древность: историческое знание и специфика источника: мат-лы конф., посвящ. памяти

Э.А. Грантовского (3–5 октября 2000 г.). – М.: Когелет, 2000. – С. 15–19.

Альимова А.К., Притеева Н.А., Шаршеналиева А.Ш. Золото древнего Кыргызстана. – Бишкек: Гос. ист. музей, 2008. – 60 с.

Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 10–23. – (Археология СССР).

Арсланова Ф.Х. Курганы с «усами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1975. – С. 116–123.

Арсланова Ф.Х. Курганы с «усами» Восточного Казахстана // Материалы и исследования по археологии Казахстана. – Астана: Фил. Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. – Т. III. – С. 244–252.

Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). – Новосибирск: Наука, 1984. – 201 с.

Бернштам А.Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке // КСИИМК. – 1940. – Вып. V. – С. 23–31.

Бернштам А.Н. Находки у оз. Борового в Казахстане // Сб. МАЭ. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – Т. XIII. – С. 216–229.

Бернштам А.Н. Кенкольский могильник // Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек: Айбек, 1997. – Т. I. – С. 19–62.

Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов // Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек: Айбек, 1998. – Т. II. – С. 319–486.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 224 с.

Воеводский М.В., Грязнов М.П. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР: (К истории усуней) // ВДИ. – 1938. – № 3. – С. 162–179.

Горбунова Н.Г. О подбойно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии (конец I тысячелетия до н.э. – первая половина I тысячелетия н.э.) // СА. – 1991. – № 3. – С. 20–30.

Грач А.Д. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. – М.; Л.: Наука, 1966. – Т. II: Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. – С. 81–107.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 227 с. – (МИА; № 48).

Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. – М.: Наука, 1980. – 67 с. – (САИ; вып. Д4-7).

Елин В.Н., Васютин А.С. Новые материалы предтюрокского времени из Восточного Алтая // Советско-венгерский сборник. – Кемерово: Изд-во Кемер. гос. ун-та, 1984. – С. 35–39.

Заднепровский Ю.А. Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии

древнего периода (II в. до н.э. – VI в. н.э.) // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. – Фрунзе: Илим, 1975. – С. 159–167.

Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Южного Казахстана и Ташкентского оазиса // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 101–107. – (Археология СССР).

Заднепровский Ю.А. Узловые проблемы этнической истории кочевников Кыргызстана древнего периода // Кыргыз: Этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. – Бишкек: Кыргызстан, 1996. – С. 150–163.

Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи: (Постановка вопроса) // СА. – 1978. – № 1. – С. 53–71.

Засецкая И.П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. – М.: Наука, 1979. – С. 5–17. – (КСИА; вып. 158).

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). – СПб.: Техн. кн., 1994. – 221 с.

Засецкая И.П. О датировке погребального комплекса у озера Борового в Казахстане // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. – Бишкек: Илим, 1995. – С. 95–110.

Засецкая И.П. Сармато-аланская традиция в украшениях гуннской эпохи // Археологический сборник. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1999. – Вып. 34: К 100-летию Михаила Илларионовича Артамонова. – С. 161–171.

История Киргизской ССР. – Фрунзе: Кыргызстан, 1968. – Т. I. – 708 с.

История Киргизской ССР. – Фрунзе: Кыргызстан, 1984. – Т. I: С древнейших времен до середины XIX в. – 798 с.

Кан Ин Ук, Богданов Е.С., Леонтьев Н.В. Ажурная пластина ордосского типа из Минусинского музея // Древности Алтая: Изв. лаборатории археологии / Горно-Алт. гос. ун-т. – 1999. – № 4. – С. 159–163.

Кожомбердиев И. Новые данные о Кенкольском могильнике // КСИИМК. – 1960. – Вып. 80. – С. 70–75.

Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 75–106.

Кубарев Г.В. Уздечный набор в полихромном стиле из памятника Аржан-Бугузуна (Юго-Восточный Алтай) // Тюрк-Татар в древних и средневековых культурах Евразии. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 27–31.

Кубарев Г.В., Слюсаренко И.Ю., Кубарев В.Д. Исследование поминального комплекса V – начала VI века Аржан-Бугузуна на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 312–316.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Ювелирные изделия Тютринского могильника (к проблеме Сибирской коллекции Петра I) // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 191–201.

Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидорова в Омском Прииртышье. – Новосибирск: Наука, 1997. – 198 с.

Мокрынин В.П. По следам прошлого. – Фрунзе: Кыргызстан, 1986. – 128 с.

Мокрынин В., Плоских В. Клады в Кыргызстане: мифы и реальность. – Бишкек: Илим, 1992. – 176 с.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Погребение воина IV–V вв. н.э. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1990. – С. 161–179.

Памятники культуры и искусства Киргизии: каталог выставки. – Л.: Искусство, 1983. – 80 с.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвэндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. – 184 с.

Соенов В.И. Нагрудный панцирь гунно-сарматской эпохи с Горного Алтая // РА. – 1997. – № 4. – С. 181–185.

Соенов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая: Изв. лаборатории археологии / Горно-Алт. гос. ун-т. – 1998. – № 3. – С. 113–135.

Сорокин С.С. О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. – 1956. – Вып. 64. – С. 3–14.

Суразаков А.С. Могильник Айрыдаш I // АО 1984 года. – М.: Наука, 1986. – С. 203.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.

Тур С.С. Антропологические материалы из Кенкольского могильника и некоторые дискуссионные вопросы этнической истории населения Кыргызстана в I половине I тыс. н.э. // Кыргыз: Этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. – Бишкек: Кыргызстан, 1996. – С. 7–21.

Уманский А.П. Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 129–163.

Худяков Ю.С., Алкин С.В., Юй Су-Хуа. Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая: Изв. лаборатории археологии / Горно-Алт. гос. ун-т. – 1999. – № 4. – С. 163–169.

Цэвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 51–87.

Эрдэнэчулуун П., Эрдэнэбаатар Д. Тэнгэрийн илд: Хурэл зэвсгийн үе, хунну гурний хурал эд олгийн соёл. – Улаанбаатар хот: Нарлаг Монгол Оноодор, 2011. – 496 тал. (на монг. яз.)

Heikel H.J. Alttertumer aus dem Tale des Talas in Turkistan // Kansatieteellisia julkaisuja (Trqavaex ethnographiques). – 1918. – Bd. VII. – S. 1–37.

Katalog: Objekte 691–801. Städte und Staaten an der Seidenstraße // Unbekanntes Kasachstan: Archaeologie im Herzen Asiens. – Bochum: Deutsches Bergau-Museum Bochum, 2013. – Bd. II. – S. 533–1098.

Kozomberdieva E.I., Kozomberdiev I.K., Kozemjakov P.N. Ein Katakombengrab aus der Schlucht Samsi // Eurasia Antiqua. – 1998. – Bd. 4. – S. 451–471.

The ancient culture in Xinjiang Along the Silk Road / comp. by Qi Xiaoshan, Wang Bo – Urumchi: [s.n.], 2008. – 304 p.

*Материал поступил в редколлегию 12.05.14 г.,
в окончательном варианте – 19.06.14 г.*

Yu.S. Khudyakov^{1,2}, K.Sh. Tabaldiev³, A.Yu. Borisenko²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Pr. Akademika Levrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russia

²Novosibirsk State University

Pirogova St., 2, Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: khudjakov@mail.ru

aborisenko2@mail.ru

³Kyrgyz-Turkish University "Manas"

Pr. Mira, 56, Bishkek, 720044, Kyrgyzstan

E-mail: tabaldievk@yahoo.com

WEAPONS, ADORNMENTS AND ELEMENTS OF COSTUME FROM THE "KRASNYJ STROITEL" SITE IN THE CHUY VALLEY OF KYRGYZSTAN

The article presents the analysis of finds from the destroyed "Krasnyj stroitel" site by the side of the Ala-Archa River at the northern skirts of Bishkek in the Chuy Valley of Kyrgyzstan. In this place where the city dump is situated the school children stumbled across a few valuable artifacts, including the golden and silver objects. The functional purposes, the existence time and the cultural attribution of these artifacts were determined as a result of their examination. These objects were a part of the adornments and elements of costume, which was worn by the nobles of ancient nomadic tribes. They were the bearers of Kenkolskaya culture and occupied the mountains and valleys of Tien Shan and Semirechye at the territory of modern Kyrgyzstan, Kazakhstan, Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China, Altai Territory in Russia during the Xiongnu-Xianbei epoch.

Keywords: golden adornments, elements of costume, ancient nomads, Kenkolskaya culture, Tien Shan, Chuy Valley, Kyrgyzstan.